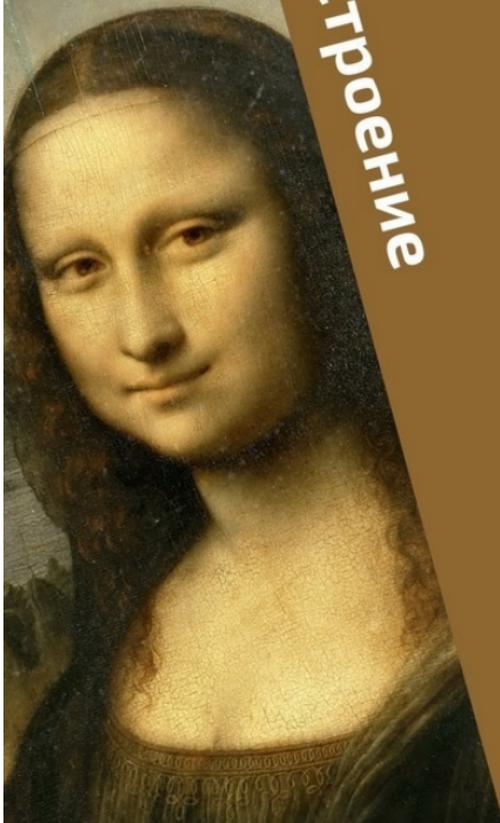

Людмила Ермакова

Настроение

Людмила Ермакова

Настроение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22972753

ISBN 9785448376863

Аннотация

Дорогие друзья-читатели! С волнением представляю вам мою книгу «Настроение», очень надеюсь, что каждый из вас найдет на её страницах что-то важное и интересное для себя. Святая Земля подарила мне вдохновение: я стала писать не только стихи, но и прозу. Это увлекательное занятие: жизнь поставляет сюжеты на каждом шагу, а герои ведут себя иногда непредсказуемо. Так что, дорогие, не считайте мои произведения автобиографическими, хотя в каждом из «трудов» я оставляю частичку своей жизни и души.

Содержание

Давай поженимся!	5
Ну, привет!	8
Про кота Машюню и его Большую Любовь	13
А давай стариться вместе!	30
На острие пера	35
1	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Настроение

Людмила Ермакова

© Людмила Ермакова, 2017

ISBN 978-5-4483-7686-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Давай поженимся!

Не люблю я таких женщин! Всегда считал, что мужчина сам должен выбрать себе подружку, а эта девица первой подошла ко мне, взяла мою руку в свою и бесцеремонно спросила, как приказала:

– Давай дружить?!

Вокруг нас шумела-гудела толпа народу, а она, нахалка, не отпуская мою руку, все заглядывала мне в глаза и упрямо повторяла:

– Давай дружить! Я – Алена, но ты, так и быть, можешь звать меня Аленушкой. А ты кто – Иванушка?

– Почему это я вдруг – Иванушка? Я – Валерий Борисович!

– Ха-ха, глядите-ка на него – Борисович!

Я, обидевшись на эту противную девицу, с трудом освободил затекшую руку из ее крепкой ладошки и отошел к своей, мужской компании.

Не люблю я таких женщин, и вообще – рыжие не в моем вкусе! Во-первых, сейчас в моде длинные волосы, а у этой – коротко остриженные рыжие кудри, перехваченные обручем с каким-то дурацким бантом на боку. И она, как назло, проходу мне не дает – целый день по пятам, только и слышу:

– Ну, Валер, давай дружить!

Только дома я, наконец, забываю про эту приставучую девчонку. А наутро – все начинается сначала. Но для себя я решил: завтра же, не откладывая, твердо, по-мужски, поговорю с ней! Наутро, едва завидев, она подбежала и протянула мне огромный рыжий, как и ее волосы, апельсин.

– А я что, апельсинов не видел? —

Так и сказал ей, а она, глупая, подняла на меня свои огромные (и как я раньше этого не замечал?) зеленые глаза, в которых медленно закипали слезы обиды. Мне стало не по себе: я никогда ранее не видел таких чудесных глаз, в которых не слезы – звездочки – сверкали в лучах яркого летнего солнца.

От растерянности и жалости к Алене я взял этот несчастный апельсин и разделил его на две равные части. Мы сели на ближайшую лавочку, я, как старший (на целых полгода!), вытер ей салфеткой глаза, и (а что еще мне оставалось делать?) помахав ею, как солдат белым флагом – сдался девчонке в плен.

– Согласен! – сказал. – Давай дружить! – и протянул ей половинку апельсина.

Молча съели мы это оранжевое лакомство, и мне показалось, что никогда и ничего вкуснее этого я не ел.

Именно в эти минуты я подумал, что, оказывается, рыжие курчавые волосы в сочетании с огромными зелеными глазами – не только неплохо, это – просто прекрасно! Еще дву-

мя минутами позже я понял, что пропал! – Пропал раз и навсегда! И опять эта девица опередила меня – обхватив мою голову двумя руками, она неумело чмокнула меня куда-то в ухо.

Потом она долго гладила (почти как мама!) мои волосы, а потом тихо и ласково прошептала мне в это самое ухо:

– А давай поженимся?

От неожиданности я, опешив, успел очередной раз утонуть в этих дивной красоты глазах, и обещал подумать над ее предложением.

На размышление она дала мне ровно час. Решение пришло в самую последнюю минуту.

– Ну что? – уперев свои прекрасные пальчики в стол, строго и заметно волнуясь, спросила Алена.

– Я решил, что со свадьбой надо повременить!

– Но почему? – воскликнула моя подружка. – Мы ведь любим друг друга!

– Да рано нам еще, Аленушка – как можно более мягко сказал я. – Давай хотя бы первый класс закончим нормально!

Но до свадьбы дело не дошло: еще до окончания учебного года семья Алены вместе с папой-полковником отбыла к новому месту службы отца.

А в моей памяти эта рыжеволосая девчушка осталась ярким солнечным лучиком из далекого счастливого детства...

Ну, привет!

Сна нет! Открыл глаза: семь утра! Елки! Ведь именно сегодня, в воскресенье, можно было бы отоспаться за неделю! Но не тут-то было! Удалось задремать только под утро. Вялость, недовольство собой и всем на свете...

Открыл окно: пахнуло весенней свежестью. Зябко пожегся. Тучи! Небось, опять будет дождь! Умылся – не полегчало. Почистил зубы – все то же. Глотнул остатки вчерашнего чая – ого! А глотать-то больно! Вот и горло красное: ангина! Только ее и не хватало!

Уронил зеркало. – Быть беде! Однако не разбилось! – Хороший знак! Нагнулся поднять – прострелило поясницу! С превеликим трудом добрался до кровати, по дороге зацепившись ногой за ножку кресла и чуть не свалив его. Больно!

Ну и утречко выдалось! – подумал я. Кое-как обретя удобное положение тела, я погрузился в свои тягостные думы. Старик, тебе сегодня 40 лет! Хорошо, что в мире теперь мужики не празднуют эту дату – не принято! Ну и мне не до юбилеев... А что праздновать-то? Из плюсов – только высшее образование, ну, еще – приличная работа. Ну – еще «двушка» трамвайчиком. Минус – один, зато жирный! – Нет семьи!

Первый «студенческий» брак развалился – «недолго му-

зыка играла!»! Даже дети не успели народиться. Дальше – карьера, командировки, легкие знакомства, встречи – расставанья. Лишь раз судьба свела меня с Женщиной! Не женщина – мечта! Все при ней! Как пела моя душа, как сладки были ночи!

И как же тяжело было расставаться! Как горько, как нестерпимо больно!

Это было давно... А сейчас она, моя единственная Женщина, благополучно живет в другом городе, но – без меня!

– Дзин-нь! – внезапно заорал телефон. Тьфу-ты, – Борька! Выбрал же время!

– А ну-ка вставай, соня – раздался в трубке знакомый голос.

– Это я-то соня? Да я..., да у меня...

И на друга юности Бориса обрушился целый шквал жалоб: на горло, на спину, на больной палец, на жизнь, наконец.

– Леш, остановись! Замри на минуту и слушай!

– И слушать не хочу!

– Я же сказал: замри и слушай! План такой: ровно через час – я, ты, и Ленка – встречаемся у входа в сквер и отправляемся на велосипедах за город, к озеру. Я такое место знаю: красота – закачаешься! Мигом хандра пройдет!

– Какая прогулка, какие велосипеды – начал было причи-

тать я.

И вдруг, как молния сверкнула:

– Ле-ле-ленка?! – выдавил в ответ я. – А-а-от-ку-да?

Внезапно начавшееся заикание так же внезапно прошло.

– Ленка-то откуда взялась?

– Да вчера из Ростова прикатила: у нее отгулов накопилось на две недели! Между прочим, это она предложила позвонить тебе! Что? Да, конечно, спрашивала. Да, конечно, помнит. Да, такая же, – даже еще похорошела! И думать не могли отказываться!

– Какой отказываться? – Ноги вдруг стали ватными, на лбу появилась испарина. Неужели всерьез заболеваю?

– Алло, алло! Куда ты пропал? – раздалось в трубке. Живо собирайся! Ленка уже и перекус нам по пакетикам разложила. Все: отбой!

Растерянный, в растрепанных чувствах, я с трудом поднялся с постели, вновь открыл окно: свежесть, птички поют, да и тучки совсем маленькие!

С трудом дотянулся до турника, повисел, как мокрое белье на веревке – поясницу-то и отпустило! Помассировал палец на ушибленной ноге – боли как не бывало! Глотнул свежего чая с лимоном – хорошо пошло, и горло не саднит!

Как говорит Жванецкий: «Нормально, Григорий! – Отлично, Константин!»

– Дзин-нь! – Бросился к телефону. Внутри похолодело: – Неужели встреча накрылась?

– Лешка, по секрету – пока сеструха в ванной – но учти: ты ничего не знаешь! Ленка-то наша – в разводе! Муженек ее гульнул пару раз, ну, а наша девушка не стерпела, да и вы-проводила гулену куда подальше. Смотри, парень, – твой шанс: не упusti!

От неожиданной вести я чуть не спятил! Я заметался по комнате, я по второму разу умылся и почистил зубы. Остатки сна мгновенно улетучились! То и дело поглядыва-вая на часы, я одел свой новый спортивный костюм, купил на углу букетик гвоздик и, оседлав двухколесного друга, от-правился туда, где ждала меня моя Любовь – единственная и неповторимая!

– Ну, привет, Ленка! Лена, Леночка, Солнышко! Как же я соскучился по тебе!

Зацеловал ее, подхватил на руки и закружил мою краса-вицу!

Вот оно, мое счастье:

– Ленка, Леночка, Солнышко!

В этот самый миг я, наконец, понял: в сорок лет – жизнь, действительно, только начинается!

Совсем рядом кто-то деликатно кашлянул: раз, другой – но ничто и никто на свете не мог помешать нам в эти счаст-ливые минуты!

И, только выпустив из объятий Женщину моей мечты, я, ошалев от нечаянной радости, повернулся в сторону друга:

– А-а, Борис! Ну, привет!

Не говоря ни слова, приятель откуда-то из-за спины достал бутылку «Шампанского», каким-то неувловимым движением ловко откупорил ее, разлил прекрасную пенистую влагу по пластиковым стаканчикам и торжественно провозгласил:

– Лешка! С юбилеем!

Невольные свидетели незапланированного торжества тут же скандировали хором:

– По-здра-вля-ем! По-здра-вля-ем!

Борис потихоньку взял меня под локоток и прошептал:

– Ну, как тебе подарок ко дню рождения? – и взглядом указал на Лену.

– Спасибо, Борька: ты – настоящий друг! И сюрприз твой – удался!

И я, враз скинувший десяток лет, помолодевший и счастливый, как мальчишка, – крепко расцеловал моего давнего приятеля.

Потом, ловко подхватил на руки (и где та поясница?) зардевшуюся от радости невесту, посадил ее на свое двухколесное «такси» и повез в новую, счастливую жизнь!

Про кота Масыню и его Большую Любовь

Уж не знаю, кто и когда внушил этому куршивому созданию, что именно он – Масыня – будущий Царь Зверей... Скорее всего, – это уличная мама-кошка, в последний раз перед расставанием облизывая своего несчастного потомка и торопясь начать с чистого листа семейную жизнь с неким Василием из соседнего двора, – шепнула сынишке с виноватым видом:

– Не обижайся, милый. Я точно знаю – будет у тебя и свой дом, и вкусная еда – с витаминами да минералами, и постель мягкая, и туалет отдельный.

Сказала – и растворилась в темноте подворотни. Сколько часов пролежал малыш, в котором едва теплилась жизнь, на холоде – никто уже не скажет.

Проходящая – сердобольная старушка, обрыдавшись от жалости к сиротинке, что тоненьким дребезжащим голоском зывал о милосердии, кряхтя, склонилась почти до земли, подняла это жалкое создание, завернула в тряпицу, да и отнесла кроху к ветеринару, чья лечебница располагалась по соседству.

– Вот, милай, котёночка принесла, плохой совсем. Подмогни ему Христа ради, а то —неровён час— издохнет, болез-

ный.

– Не видишь, бабуль, занят я. Потом, потом...

Ветеринарный доктор в это время за хорошие деньги скальпелем и пинцетом лишал красавца-перса возможности любить и быть любимым какой-нибудь изящной, возможно, в меру капризной, но нежной и ласковой кошечкой.

Поэтому всякое вмешательство в это «священнодействие» вершитель кошачьих судеб счёл неуместным.

Но и бабуля считала своё дело правым и не терпящим отлагательств.

– Доктор, а доктор, посмотри котика – уже со слезами в голосе робко проскрипела старушка.

Врач, опасаясь, что постороннее вмешательство не позволит ему качественно отсечь ничего не подозревающему пациенту лишние детали, раздражённо кивнул:

– Бабуль, ну ты достала меня! – и, не оглядываясь, рукой, затакнутой в резиновую перчатку, указал куда-то в дальний угол коридора.

– Ладно, положи его в коробку и иди, иди уже, не мешай.

Очень бережно старушка опустила котёнка, не переставшего жаловаться на жестокую жизнь, на импровизированное ложе.

Перекрестив на всякий случай найдёныша, бабуля ладошкой утёрла заблудившуюся в лабиринте морщин слезинку и пошла себе по своим старушечьим делам.

Закончив операцию, доктор подошёл, наконец, к пищеце-

му в углу комочку.

Осторожно осмотрел бедолагу, послушал крохотное, трепыхающееся от холода, страха и обиды, сердечко, и грустно констатировал:

– Не жилец!

Действительно, вид у котёнка был никудышный: он дрожал всем своим тщедушным тельцем и шурил маленькие слезящиеся глазки с засохшими корочками гноя; под носом его красовались зелёные пузыри. Это был по-настоящему сильно простуженный больной ребёнок – только не человеческий, а кошачьего роду-племени.

Профессиональная жалостливость к животному в любом его состоянии заставила ветеринара хотя бы попытаться покормить заморыша. Через пипетку несколько капель молока попало внутрь малыша, а шерстяная тряпица, укрывшая его заботливой рукой доктора, сделала своё доброе дело: котёнок забылся тревожным кошачьим сном.

В это время прозвучал телефонный звонок:

– Алло! Аркаша? Это тётя Полина.

– Ты думаешь, тётя, я бы тебя не узнал? Да я тебя...

– Ладно, племянничек, воздержись от славословий: и так знаю, что я самая лучшая, самая любимая... Я, Аркаша, по делу.

По голосу тётки было ясно, что дело, действительно, важное. Но то, что доктор услышал далее, вызвало у него невольную улыбку.

– Помнишь, Аркаша, мою давнюю подругу – Раю?

– Ещё бы не помнить! Это та, которая в стародавние времена пыталась меня женить на своей дочери? Не вышло у нас с ней романа: Ольга моя вовремя узнала обо всём и быстро сама сделала мне предложение руки и сердца...

– И ты согласился! – прервала воспоминания тётушка.

– Да, милая, и за эти годы ни разу не пожалел о содеянном.

– Знаю-знаю, что ты счастлив с Оленькой. Да я не об этом.

Просто у Раечки – внучка подрастает – дочь, стало быть, несостоявшейся невесты. Так вот она уже целый год канючит:

– «Котика обещали, а не покупаете! У Кати есть котёнок, у Лены – собачка, а у меня – никого! Не любите вы меня!»

– Замучила прямо своих домашних. Они уж и хитрили, покупая ей игрушечных кошечек и собачек, и книжки с кукольно-фарфоровыми кошачьими мордочками приносили, да что толку? Разве современного ребёнка можно обмануть? Ещё сильнее распалили! В общем, выручай, Аркаша! Присмотри для этой девочки хорошенького котика. Авось, всё в семье и успокоится.

– Не смею отказать, тётушка. Как только будет подходящий здоровый котёнок, считай, он твой, то бишь, девочкин. Ждите. А сейчас, извини, у меня тут уличный котёнок на ладан дышит. Надо бы посмотреть, как он там.

Не успел уставший доктор, осмотрев малыша, притихшего в своём временном пристанище и, убедившись, что тот

ещё дышит, выпить чайку, как за окном резко завизжали тормоза. Из такси спешно высадились пассажиры.

Тётя Рая, пытаясь удержать рвущуюся в кабинет растрёпанную девочку с двумя задорными хвостиками рыжих волос, запыхавшись и глотая слова, пыталась объяснить причину столь скорого визита, но девочка, без труда вырвав руку, уже влетела в помещение и, ведомая каким-то шестым чувством, подлетела к коробке в дальнем углу.

Увидев крохотный клубочек рыжей шерсти, девочка вдруг, неожиданно для окружающих, проявила поистине материнский инстинкт, заложенный в женщинах испокон веков, данный им свыше, – этакую смесь любви, жалости и сострадания.

Даже не попытавшись сопротивляться этим, внезапно нахлынувшим чувствам, маленькая Женщина своими нежными пальчиками стала осторожно, почти не дыша, гладить котёнка, и, глядя в прямо в слезящиеся глазки его, беззвучно шептать:

– Миленький мой, масенький! Ты – мой дружок! Я назову тебя Масыней и непременно вылечу! Договорились?

Не дожидаясь ответа, девочка тихонько попросила котёнка в самое ушко:

– Ты только выздоравливай поскорее!

И, резко обернувшись, словно не видя ничего вокруг, кроме понимающих глаз врача и обращаясь прямо к ним, робко спросила:

– Вы поможете нам, доктор? Пожалуйста!

– Детка, я могу только попробовать вылечить его. Уж очень долго он был на холоде, да и оголодал сильно. В чём только душа держится!

Тут уже и бабушка Рая взяла слово и прокомментировала события последнего часа:

– Поверите ли, Аркадий, как только Женечка услышала про больного котёнка (а она была свидетельницей разговора с вашей тётушкой), сразу же стала собираться – вот и корзинку приготовила! На мой вопрос: «Куда?» – она удивлённо воскликнула: «Как куда? За котиком!»

– Никакие объяснения и уговоры не помогли – посетовала бабушка и развела руками.

Девочка же во время этой тирады продолжала нежно поглаживать котёнка и говорить, говорить – наверно, так необходимые в данной ситуации больному малышу, слова:

– Я обещаю, рыженький, будет у тебя и тёплый дом, и мягкая постель, и вкусная еда, и отдельный туалет! А когда вырастешь, – то станешь Царём Зверей!

В крошечной душе котёнка пробудились какие-то неясные воспоминания, как будто кто-то близкий и ласковый когда-то говорил ему уже эти слова. Маму-кошку он успел забыть: слишком много испытаний выпало на его долю в последнее время. И девочка с рыжими хвостиками волос была воспринята им, как собственная мама. Похоже, в этой рыжеватости он усмотрел фамильное сходство.

Уставший от нахлынувших чувств, котёнок уснул прямо на руках у девочки и, наверно, впервые в жизни, тихонечко, едва слышно замурлыкал. И все улыбнулись.

Но доктор, сделав строгое лицо и взяв котёнка из маленьких тёплых ладошек, стал, как и в первый раз, кормить его молоком из пипетки.

– В общем, так, Женечка: сегодня я тебе твоего Масыню не отдам. До завтра он останется в лечебнице – нужно за ним понаблюдать. Бог даст, и поднимем нашего малыша. А вы готовьтесь к приёму нового члена семьи – прощаясь, сказал он с улыбкой.

Ночью девочке снился рыженький котёнок: она играла с ним в мячик, кувыркалась в снегу, и на фоне белого снега попеременно мелькали то рыжие кудри девочки, выбившиеся из-под шапочки, то рыжие ушки и хвостик её маленького дружка.

С превеликим трудом дождалась Женя, когда же бабушка позвонит, наконец, в лечебницу.

И вот доктор, пряча в усах улыбку, торжественно, словно дорогой подарок, вручает девочке её маленького друга и довольный ребёнок, как заклинание, шепчет едва слышно котёнку:

– Я спасу тебя, малыш! И ты БУДЕШЬ Царём Зверей!

И малыш, в знак согласия, довольно замурлыкал.

Но тут вмешался доктор. Он написал свои рекомендации

по выхаживанию больного, и передал бабушке необходимые рецепты.

– Тётя Рая, Женя! Пожалуйста, соблюдайте всё, что я вам советую и, если что, – звоните.

– Пока, малыш! – помахал он вслед уходящим.

...Шло время. Из маленького заморыша, которого когда-то подобрала на улице сердобольная старушка, повзрослевший Масыня превратился в красивого, ухоженного, уверенного в себе мужчину с томным, зовущим взглядом своих зелёных глаз, с вальяжной походкой и гордо поднятым вверх хвостом. Любил этот донжуан показать себя **ВО ВСЕЙ КРАСЕ!**

Подросла и девочка. Кот и его юная хозяйка стали настоящими друзьями: у них сложились свои, доверительные отношения.

Спал Масыня только с Женей – или в ногах, или, доверчиво положив свою симпатичную рыжую мордашку на Женину подушку, которую искренне считал своей.

Укрывались они одним одеялом. Что уж намурлыкивал Жене в ушко её мохнатый друг, но те трогательные отношения, которые установились между девочкой и котом, вызывали у взрослых умиление и даже некоторую зависть.

Похоже, для Масыни Женя была неким Высшим Разумом, которому он подчинялся беспрекословно. Только Женин голос мог запретить коту драть обивку на новом диване или

обглаживать листики на свежем букете.

Рыжий друг, опережая звонок, непременно встречал девочку у дверей лифта.

Когда Женя делала уроки или сидела за компьютером, он садился рядом на стопку книг и молча, немигающими глазами наблюдал за своей юной хозяйкой. Он долго и упорно колотил лапами по двери ванной комнаты, как только девочка уединялась в ней.

И только в отсутствие своей Повелительницы Масяня позволял себе так называемую «личную» жизнь: в определённый (по одному ему известным ощущениям), час, Рыжий же-ноугодник усаживался, как на пьедестал, на бетонный край балкона. И почти сразу же с разных концов двора к небольшой плешинке посреди газона тянулись представительницы прекрасной половины кошачьего сообщества.

Усевшись в чётко очерченный полукруг, они, как по команде, поднимали в сторону балкона свои прелестные (во всяком случае, так казалось Масяне) мордочки, и вострили ушки, приготовившись с благоговением внимать всему тому, что сочтёт нужным сообщить им их Повелитель. В эти минуты Масяня и вправду ощущал себя Царём Зверей.

Наблюдающему это зрелище показалось бы уморительным подобное «собрание». На плешинке постепенно воцарялась звенящая тишина. Тем не менее, что-то происходило, что-то висело в воздухе. Как потом оказалось – и это отмечено в научной литературе – четвероногие братья наши мень-

шие общаются на своих, недоступных восприятию простых смертных, частотах и их сборища, помимо обмена определённой информацией, позволяют совершать групповые медитации, что способствует укреплению здоровья этих умных животных.

Ровно через двадцать минут (можно проверять по часам!) мохнатые члены группировки расходились по своим «хаткам».

Масяня, конечно же, замечал весьма выразительные взгляды одной из представительниц прекрасного кошачьего пола – грациозной «девушки» в чёрном меховом одеянии с белой манишкой и в белых носочках, но поскольку дальше балкона прогулки котика не распространялись, эти взгляды ложились сладким грузом на его сердце. А нашего героя просто-напросто не выпускали на улицу, опасаясь легкомысленных романов, а заодно и болезней, которые после ночей любви мог принести Масяня в приличный дом.

А потом, когда изголодавшийся по настоящей, не виртуальной, любви, котище, очень хорошо усвоивший услышанные в далёком сиротском детстве слова: «Ты станешь Царём Зверей!», стал закатывать настоящие концерты с любовными завываниями и надрывными призывами, – домочадцы решили, что превратить уютные апартаменты в кошачий бордель не входит в их планы, а посему – пора везти котяру к доктору, который когда-то спас маленького Масяню..

Тактично, как могли, взрослые объяснили девочке причи-

ну «болезни» её любимца...

Когда доктор на приёме увидел перед собой пышущего здоровьем холёного самца, исполненного сознанием собственного достоинства, то просто опешил:

– Да неужели это тот самый Масяня?

– Да он, он, не сомневайтесь! – пискнула довольная девочка. Она улыбалась, а сердечко её трепыхалось от страха за своего четвероногого друга.

– Да уж, изменился наш котик! – подтвердила бабушка. – Одна беда – больно до «девочек» охоч...

– Доктор, а Масяне не будет больно? – волнуясь и заглядывая в глаза врачу, допытывалась Женя.

– Да не волнуйтесь вы так – всё будет в порядке! Подлечим мы вашего котика. Приходите вечером, заберёте его домой.

Умелые руки ветеринара свершили привычные манипуляции (опять же – за хорошие деньги!) и у Масяни началась новая жизнь.

Не сразу он понял изменения, происшедшие в отлаженном кошачьем организме, но стал явно спокойнее в проявлении своих угасающих мужских инстинктов.

Всё реже он выходил к ожидающим его «барышням» и всё меньше этот кот ощущал себя если уж не Царём Зверей, то хотя бы просто завидным женихом.

Рыжеволосая его подружка Женя не оставляла котика своим вниманием: она играла с ним в разные игры, даже

дрессировала его.

И Масяня, начисто лишённый внимания дворовых «дам», совсем было загрустил, но тут произошло непредвиденное: на каникулы в гости к Жене приехала её двоюродная сестра Настя. Она была младше Жени, по возрасту ближе к Масяне. И кот на какое-то время ожил: втроём – две девочки и кот – носились по всей квартире – пыль столбом стояла после этих игрищ.

С окончанием праздников закончились и каникулы. Настя уехала, Женя пошла в школу, и Масяня явно приуныл. Никто и подумать не мог, что маленькая девочка своим отъездом нанесет сердечную рану романтичному не в меру Коту. Он практически перестал есть, отказался от прежних игр со своей подружкой Женей, и всем своим видом выказывал тоску и душевные страдания. Неизвестно, сколько времени продолжалась бы эта кошачья ипохондрия, но...

Однажды, когда дома проводили генеральную уборку, неожиданно для всех из-под комода вынырнула, вся в пыли, мягкая игрушка. Несмотря на то, что эта, забытая Настей, кукла, несколько дней провалялась в своём пыльном убежище, она выглядела (после соответствующей чистки) – просто обворожительно! В летнем цветастом сарафанчике, в белых носочках, миниатюрная, с прекрасным цветом лица, она невольно притягивала взгляд. Изящный носик, выразительные голубые глазки смотрели открыто и доверчиво.

Первым эту неземную красоту оценил Масяня.

Не спрашивая разрешения хозяев, он, «не говоря ни слова», взял красавицу в зубы и понёс в свой угол за шкафом. Там уже лежали все его кошачьи игрушки – мячики, катушки и пр. На лучшее место у окна «усадил» он новую подружку и целый час, не мигая, искренне любовался ею.

Неоднократные попытки «разговорить» куклу ни к чему не приводили. Несмотря на недвусмысленное мяуканье, приглашающее к дружбе и душевному общению, красавица продолжала хранить молчание. Желание котика по-настоящему подружиться с «новенькой» объяснялось тем, что она удивительным образом напоминала этому «рыцарю без страха и упрёка» одновременно и прелестную девочку Настю, покинувшую гостеприимный дом, и ту самую кошечку в белых носочках, которая с таким восхищением и преданностью заглядывала в его, Масынины, глаза во времена их дворовых посиделок.

Воспоминания о девочке Насте были столь сильны, что всю нерастраченную нежность четвероногий влюблённый перенёс на забытую Настей игрушку. После известной операции, Масыня, осознавший, наконец, какие непоправимые изменения произошли в его теле, а, следовательно, и в жизни, постепенно свыкся с мыслью о том, что пребывание его в статусе Царя Зверей ушло в прошлое.

Юная хозяйка Масыни недоумевала:

– Котик, милый, да что с тобой? Неужто вправду влюбился в куклу? А как же я?

Тем временем «нездоровая», по мнению людей, любовь развивалась по своим, неведомым им законам.

Всё «свободное» время Машенья проводил в обществе красавицы-куклы. Он обнимал её, гладил своими мягкими лапками, делал ей массаж. Он приносил к её ногам украденные на кухне косточки и, ожидая заслуженной благодарности или хотя бы просто доброй улыбки, и не получая ни знака благосклонности, уходил, поджав хвост куда-нибудь в ванную.

– Аркаша, выручайте! – сжалившись над девочкой, взмолилась по телефону бабушка. – Сделайте хоть что-нибудь!

– Но тётя Рая, я – простой доктор, а тут нужен психиатр! Я вообще первый раз в жизни сталкиваюсь с подобной, как Вы изволили выразиться, любовью. Это вообще вне рамок науки ветеринарии!

– Но, доктор, что я скажу девочке?

– Извините, дорогая, – дело это, как говорится, семейное, но лучше всего – доверьте это деликатное дело внучке: думаю, у неё получится.

– Может, вы и правы, – скрепя сердце, согласилась бабушка и повесила трубку.

Внучка в это время пыталась делать уроки, но время от времени глаза её застилала слёзы и строчки в учебнике сливались в сплошное белёсое пятно: она не знала, что в эти минуты сердобольная бабушка пытается ей помочь.

Женщина приоткрыла дверь в комнату девочки и, увидев её заплаканное личико, горестно сложила руки на груди:

– Всё, деточка, я придумала: сегодня же эту дурацкую куклу выброшу в мусоропровод. Что скажешь?

– Что ты, бабуля! Масяня сразу же нас возненавидит или вообще выбросится из окна. Нет, так нельзя!

– Девочка моя, ну поговори с ним! Вы же так хорошо дружили! Выбери подходящий момент и...

– Я постараюсь, бабушка, – утирая слёзы, пообещала Женя и задумалась.

Она, как взрослая, всерьёз готовилась к предстоящей «тет-а-тет» беседе со своим другом, подыскивала нужные слова. Вечером Масяня, так и не притронувшийся к еде, уныло сидел в своём уголке за шкафом и немигающими глазами, в которых уже не светился, как прежде, огонёк надежды на взаимность, смотрел на предмет своего обожания и жалобно, тоскливо скулил. Именно скулил – иначе не назвать исполненные отчаянья жалобные звуки, напоминавшие давние одинокие дни в тёмной подворотне.

И вот как раз в этот самый миг, когда Масяня своим кошачьим умом понял, наконец, что его Большая Любовь, его Принцесса, которой он отдал столько душевных сил, ради которой чуть было не растоптал давнюю и верную дружбу с девочкой Женей, оказалась всего лишь бездушной куклой, не способной на настоящие чувства, и что это он, кот, который был, пусть и недолго, – Царём Зверей, оказался игрушкой в руках этой жестокосердной барышни с насквозь фальшивыми— и внешностью, и душой, – к нему неслышно по-

дошла девочка Женья.

На своей спине Масыня ощутил вдруг лёгкие, ласковые прикосновения нежных девичьих ладошек, и когда её пальчики почесали его за ушком, когда прозвучали полузабытые, услышанные им в раннем сиротском детстве слова:

– Миленький мой, масенький! – то чуть было по-человечески не разрыдался: так ему именно сейчас нужны были эти добрые, идущие от самого сердца, слова его славной подружки.

Но он не разрыдался, а просто потёрся бочком о девичьи ноги и весь вечер уже не отходил от Жени.

Спал в эту ночь Масыня, как и прежде, на кровати девочки. И она впервые за последние недели заснула спокойным детским сном и всхлипнула только один раз, когда ей приснился маленький больной котёнок в углу ветеринарной лечебницы.

А проснувшись, как всегда, ранее других домочадцев, бабушка, вышедшая на балкон, увидела внизу, на траве, – на том месте, где раньше собирались на свои посиделки дворовые кошки, – куклу.

Она лежала лицом вверх – холодная Принцесса, разбившее сердце последнего из котиков-романтиков и глаза её уже ничего не выражали.

А девочка ещё больше зауважала Масыню: он сам, решивший расстаться со своей барышней, этой бездушной особой, выбросил её из окна, таким образом разрубив, наконец,

«гордиев узел», и расставив все точки над «и».

Теперь на старости лет Масыне будет, о чём вспомнить с тихой грустью: он, хоть и недолго, а всё же был Царём Зверей, и в его жизни была, пусть и безответная, но такая Большая, Любовь!

А давай стариться вместе!

Поздний вечер. В доме тихо и пусто... Хотя, не совсем пусто: кот Васисуалий, а по-простому – Васька – сладко дремлет на моей постели, которую искренне считает своей. Да и не совсем тихо – в открытую форточку доносится шорох опадающих с крыши капель – остатков первого весеннего дождя. Свежее ночное дыхание, едва слышимые звуки давно позабытой песни со стороны соседского дома настроили меня на минорный лад.

Глеб, первая и незабвенная моя любовь... Где ты, с кем ты? Столько лет прошло, сколько зим! Но почему-то каждую весну с каким-то необъяснимым чувством я ожидаю весточку от Глеба – звонка ли, письмеца ли, хотя никаких оснований для этого никогда у меня и не было. Я, и только я одна была виновницей нашего разрыва! Я оборвала последнюю ниточку, связывающую нас когда-то!

Ах, да что толку теперь в этом самоедстве? За плечами – два брака, оба – по любви. Да только не я любила, это мужья мои – Валера и Алеша любили меня всем сердцем, а я, опустошенная изнутри, не смогла сделать их счастливыми! Нет, я была хозяйственной и заботливой, верной и благодарной, но...

Даже детишек не смогла подарить своим мужчинам: видно, не очень-то и хотела! Теперь вот пожинаю плоды горь-

кого одиночества... А все эта моя дурацкая гордыня, присущая множеству юношей и девушек в период их ранней, всепоглощающей любви! Не спится... Завтра, – нет, уже сегодня – наступило 1-е мая, день нашего с Глебом знакомства. Как же это было давно: тысячу лет тому назад!

Тогда, прекрасным солнечным утром вышагивая в ряду демонстрантов вдоль нарядных трибун, я оступилась, но чьи-то сильные руки мгновенно подхватили меня и не позволили упасть.

Эти руки, как оказалось, принадлежали ему, Глебу, который стал на все последующие годы и судьбой моей, и незаживающей раной.

Лицо мое отчего-то повлажнело: слезы это или просто капли дождя, залетевшие в открытую форточку с порывом ветра? Ах, если бы, если бы знать... И зачем я, глупая, безоглядно поверила соседкой девчонке Зойке, которая якобы была свидетельницей любовного свидания Глеба с прелестной незнакомкой?

Это уже потом, много позже, узнала я о явном интересе Зойки к моему другу. Что ж, каждый выбирает свой собственный путь к намеченной цели. И она добилась задуманного исхода: мы расстались, даже не успев испытать желанной близости!

Замуж я вышла от отчаянья: первый муж стал и первым

моим мужчиной! Лишь иногда позволяла я себе заглянуть в то далекое, такое светлое и радостное прошлое, когда ранним весенним или летним утром, вдруг, ниоткуда появлялись на подоконнике нежные ландыши или ветки пахучей сирени, когда в маленьких самодельных конвертиках подбрасывались совсем еще неумелые, почти детские, стихи.

Я пыталась вспомнить хотя бы одно из них, но, измученная воспоминаниями, незаметно для себя, уснула.

Утром, хорошо знающий свои права кот Васька, он же – Васисуалий, громким мяуканьем заявил о том, что последние крошки корма давно съедены и что пора бы пополнить его дневной рацион.

Едва приоткрыв заспанные глаза с немного припухшими веками, я с удивлением обнаружила себя в моем любимом кресле, в котором, как оказалось, я провела всю ночь. Но что более всего меня удивило, нет – поразило, нет – потрясло – это свешивающаяся из форточного проема большая охапка лиловой персидской сирени и скромный букетик нежнейших лесных ландышей, которые источали такой восхитительный аромат, что голова моя буквально пошла кругом. Я забыла про Ваську и про свои обязанности его хозяйки.

Погрузив лицо в этот роскошный букет, я дышала – и не могла насытиться этими потрясающими ароматами весны – нет, не весны: так пахнет настоящая любовь, не угас-

шая за долгие годы разлуки. Кинулась к двери: во дворе – пусто, а на подоконнике – выпавший из букета маленький самодельный конвертик. – «Как тогда!» – мелькнуло в голове. А в конвертике всего две строчки:

«Родная, помню тебя и люблю! А, знаешь, давай стариться вместе!» И – номер телефона.

Я в совершенно обалдевшем состоянии схватила букет и закружилась с ним по комнате. Смеясь и плача от счастья, я выкрикивала все те слова любви и нежности, которые столько долгих лет хранились в самых потаенных уголках моей души и которые, как из-под замка, помимо моей воли вырывались на свободу: милый, любимый, родной, самый лучший, самый красивый, и, как апофеоз: **ЕДИНСТВЕННЫЙ!**

Васисуалий, как всякий умный и интеллигентный кот, разбирающийся в настоящих чувствах, не проронил ни единого «мяу», ни звуком не омрачил это мое удивительное состояние окрыленности любовью.

О, Боже, мне всего-то 35 лет! Как и Глебу. Вся жизнь – впереди, и до старости – как до Луны! И каких замечательных деток подарю я своему любимому – мальчика и девочку! Ох, и заживем же мы!

Я не успела до-мечтать и до-планировать светлое будущее своей, еще не существующей, семьи, как раздался телефонный звонок, и знакомый до боли голос произнес:

– Ну что, давай стариться вместе?

И я непослушными от волнения губами, тихо ответила:

– Давай!

На острие пера

1

Событие, которое память во всех подробностях хранит до сих пор, произошло в бытность мою студенткой одного из ростовских ВУЗов. И было мне от роду 20 лет. Осенью, в пору паутинно-оранжевого бабьего лета, улучив небольшой перерыв в занятиях, я поехала в город Нальчик, в гости к добрым знакомым нашей семьи, которые за долгие годы общения стали практически родными.

Тётя Таня и дядя Серёжа были уже достаточно пожилыми людьми, но глядя на эту пару, у которой, как в ранней юности, по-молодому блестели глаза, и во взглядах, которыми они одаривали друг друга, читалась такая светлая и искренняя любовь, – невозможно было представить, что они уже 40 лет живут вместе. И вправду, жили они – душа в душу. Вот только детей у них не было. Не случилось. Зато всю свою добросердечность, ласку и заботу они дарили своей племяннице – Тамаре. С Томой мы были одногодки: и переписывались, и во время каникул встречались: короче, – дружили. Поэтому и мне перепало и доброты, и заботы от этих славных людей. К сожалению, Тамару я не застала: она по распределению после техникума работала в другом городе.

Как-то незаметно, за отсутствием подружки, я сблизилась с ребятами, которые квартировали у дяди и тётки во флигеле: вечерами делились мы новостями; собираясь в садовой беседке, слушали гитарные переборы новоявленного барда Коли, сами подпевали; иногда баловались картишками – проигравшего «дурачка» заставляли отрабатывать проигрыш – то прокукарекать, то промяукать, то проблеять овечкой. Вот такие были наши «курортные» развлечения.

Днём же все были при деле: дядя Серёжа шоферил, тётушка отвечала за сад с огородом, да за кухню, а уж хозяйка она была – отменная! Коля преподавал физкультуру в школе, Лёша вкалывал на заводе, а красавчик Ахмет – балкарец из горного аула – работал на мебельной фабрике мастером-краснодеревщиком.

Доброжелательный, улыбчивый, обаятельный Ахмет прямо-таки располагал к дружбе. Для парня из сельской глубинки он был на редкость серьёзен и целеустремлён: постигнув одну из самых востребованных в тех местах специальностей, он ещё и учился на заочном факультете института, постигая все премудрости современных технологий. Этот прелестный мальчик явно симпатизировал мне – даже, заикаясь от смущения, сделал предложение руки и сердца. Но я, к тому времени уже обручённая с очень достойным юношей и верная своему слову, ждала его возвращения из армии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.